

А судьи кто? Самые известные судебные процессы в истории

Справедливость – не такая уж частая гостья на нашей планете, во всяком случае в прежние времена. Исторические примеры – печальное тому подтверждение. Далее – самые известные судебные процессы в истории человечества.

Сократовы парадоксы

С одной стороны, Сократ был очень умным человеком, да еще и мыслящим нестандартно. С другой – греческий философ в повседневном общении был крайне сложным человеком. Почему, собственно, и умер раньше, чем мог бы.

В 399 году до н. э. афиняне обвинили мыслителя в нетерпимом богохульстве, а заодно – в растлении (правда, не физическом, а умственном) молодого поколения. Сократа назвали злодеем из злодеев, замахнувшимся на знания, недоступные людям. Его признали человеком, который хорошее делает плохим, а зло представляет добром.

Нельзя сказать, что обвинения были совсем уж голословны: Сократ и впрямь продвигал в массы креативные идеи. А еще имел обыкновение высмеивать власть имущих и указывать на ошибки абсолютно нетолерантным образом. Говорят, знатные жители Афин выходили на улицы с опаской. Ибо не знали, где могут наткнуться на философа и что могут от него услышать.

В свою защиту на суде Сократ произнес пламенную речь, в которой озвучил основную свою позицию: он собирался и дальше «говорить правду», несмотря на отсутствие взаимопонимания. Но философ все еще не договорился до смертной казни, ему было предложено выбрать несколько более гуманное наказание. Но и тут Сократ умудрился оскорбить всех присутствующих, вследствие чего вина его не была признана, зато подавляющее большинство судей проголосовало за смертную казнь.

Итог знают все, кто интересовался историей: Сократ выпил чашу с «государственным ядом» (предположительно, с вытяжкой из цикуты – *Conium maculatum*, болиголов пятнистого) и вел речи даже тогда, когда тот начал действовать. Философ умер, оставаясь

в твердом убеждении, что несправедливая смерть лучше, чем нанесение несправедливости другим людям.

Непокоренный монах

Джордано Бруно является одним из самых ярких примеров жертв предвзятой судебной системы. Он был преданным католическим монахом и астрономом, философом и поэтом, мыслителем, причем критически настроенным, и человеком, сумевшим по-новому взглянуть на имевшуюся тогда модель мироздания.

В возрасте 43 лет Бруно был обвинен в ереси – а инквизиция в XVI веке была сильна, как никогда. Мысль, что Солнце является звездой, церковникам была чужда и противна. Еще более дикой им представлялась идея, согласно которой наш мир – не единственная система во Вселенной.

Переубедить Бруно инквизиторы пытались почти семь лет, но не преуспели в своих начинаниях. Ученый и философ был публично сожжен в 1600 году как нераскаившийся и опасный еретик, а его труды до 1948 года входили в «Индекс запрещенных книг» – их прочтение было чревато отлучением от церкви и анафемой.

Что примечательно: в 2000-м действующий католический кардинал назвал казнь Бруно «печальным эпизодом», но отказался признать ее ошибкой. Согласно его точке зрения, инквизиция защищала свободу и распространение добра в высшем смысле этого слова. И сделала все возможное для спасения души Джордано. Видимо, у инквизиторов было свое представление о спасении.

Быть выдающимся вредно

В конце XIX века во французской армии служил некий Альфред Дрейфус, капитан-артиллерист еврейского происхождения с немецкими корнями. В 1894 году он был арестован: офицера обвинили в том, что он секретными сведениями делился с германскими властями. Годом позже, после окончания слушаний, Дрейфуса признали государственным изменником и приговорили к заключению пожизненно.

Казалось бы, конец истории. Подобные вещи и сейчас, и тогда были обыденными в мире, так что Дрейфусу предстояло сидеть до конца жизни, а его имени – оставаться замаранным. На развитие событий повлияли два фактора.

Во-первых, во главе разведки поставили нового босса, который выяснил, что предателем мог быть совершенно иной человек, а именно некий майор Эстергази. При таком раскладе

Дрейфус оказывался невиновным. Косвенным доказательством этого была срочная отправка человека, обнаружившего новые данные, в Тунис.

Во-вторых, в подробности этого дела оказался посвященным Эмиль Золя, который был не только писателем, но и политическим деятелем. Через четыре года после ареста Дрейфуса он опубликовал свое произведение «Я обвиняю», да еще и не поскупился на открытое письмо президенту Франции.

В нем яркая личность, которую проигнорировать не было никакой возможности, требовала «правды и справедливости» хотя бы в отношении ничем себя не запятнавшего французского офицера. Судебный процесс был объявлен неубедительным, некомпетентным и поверхностным; мало того, Золя приводил убедительные примеры сокрытия улик и проявления антисемитизма.

Надо сказать, предубеждения против евреев действительно были характерны для Франции того периода. По словам писателя, судебный процесс был «вопиющим вероломством», а также «беззаконием века». Золя указывал: в вину Дрейфусу ставились самые невинные вещи – то, что он был полиглотом; то, что компромата в его доме найдено не было; то, что Дрейфус изредка навещал на исторической родине оставшихся там родственников; то, что он сохранял спокойствие на суде; то, что был трудолюбив и любознателен. Заметим, что узник о заступничестве не имел понятия до самых слушаний в кассационном суде (1899 г.). Заручившись поддержкой либеральных общественных деятелей, Золя со товарищи настаивали на проведении повторных слушаний. Власти Франции на это не пошли, и писателя самого начали обвинять в клевете, подлежащей уголовному преследованию. Золя пришлось бежать в Британию, а думающий мир разделился на два противоположно настроенных лагеря.

Одни считали, что Дрейфуса посадили не зря, другие были уверены в том, что дело рассмотрено недостаточно внимательно. В те годы это был самый громкий скандал. И, надо сказать, не бесполезный. Дело Дрейфуса было пересмотрено, в 1902 году он был помилован, а еще через четыре года – полностью реабилитирован. Офицера не только выпустили на свободу, но и восстановили в правах и обелили его имя.

Кстати, Дрейфус зла на Францию не держал и преданно служил ей в период Первой мировой. Конечно, заключение не слишком хорошо сказалось на здоровье офицера. Но проблемы с самочувствием не помешали ему дослужиться до подполковника, а в 1918 году удостоиться ордена Почетного легиона.

Дрейфус умер в 1935-м в столице Франции, его похороны проводились на национальном уровне, удостоившись высочайших почестей. А давнее дело стало одним из судебных прецедентов, о которых современные европейские заседатели стараются не забывать.

О салемских ведьмах

Этот процесс проводился в XVII столетии в Массачусетсе, где расположен небольшой городок Салем. Это сейчас он стал местом паломничества тысяч туристов, а горожанки охотно надевают говорящие о принадлежности к особой касте шляпы. Тогда же страх перед инквизиторским костром (притом, что сама инквизиция давно почил в бозе) был настолько силен, что местные жители обвиняли своих соседей в любых грехах, лишь бы не быть заподозренными в них.

Дурная слава Салемского процесса может показаться неоправданной, ведь из 200 человек, которые получили путевку на костер либо в петлю, местными жителями были только 19. И то пятеро умерли, не дожив до сожжения. Но этот суд исторически важен другим: массой документации, составленной в ходе процесса.

Наверное, в сложившейся ситуации свою роль сыграли и сторонние факторы. Например, стычки с индейскими племенами, случавшиеся чуть ли не каждый день. И религиозная истерия – ведь в борьбе с язычниками духовная составляющая была очень важна. Да и семейные распри – не внутри семейств, а между кланами – играли свою роль. В какой-то момент психологическая напряженность превысила все нормативы, и трагедия Салема стала одной из самых печальных страниц в истории всех Соединенных Штатов Америки.

Началось все с необъяснимой болезни двух девочек, находящихся в подростковом возрасте. Одну звали Бэтти Пэррис, вторую – Эбигайль Вильямс. Не умея распознать симптомы, тогдашние «лекари» объявили их последствиями наведенного на детей колдовства. Поиски злокозненных вредителей завершились заключением в тюрьму местной попрошайки, чернокожей рабыни и жительницы, замеченной в пропусках церковных служб.

Поначалу истерия была умеренной; во всяком случае, в защиту арестованных выступила вполне уважаемая и весьма набожная горожанка Марта Кори. Однако психоз нарастал, и женщина тоже была обвинена в колдовстве.

Волнения набирали обороты, растерянные церковные власти запросили совета у вышестоящих органов, которые вынесли вердикт: следствие должно продолжаться в соответствии с заповедями инквизиции. Для того, чтобы разобраться с колдунами и ведьмами, был даже создан Верховный суд штата Массачусетс, который, как ни странно, функционирует и сейчас.

Действия следствия с его одобрения были ужасны: Жилю Кори, 80-летнему фермеру, к примеру, клали на грудь для «выдавливания вины» тяжелый груз, от которого тот и умер. А через три дня в петле закачалась и его жена, заступившаяся за первых обвиненных.

Впервые судебная ошибка в Салемском деле властями была признана только через пять лет. Через 15 – основная обвинительница, бывшая в момент разгара Салемского скандала подростком, заявила, что люди, повешенные в те годы, на самом деле невинны: ее, дескать, обманул дьявол. И лишь через 65 лет Содружество Массачусетса отменило давние приговоры, а в 2001-м, то есть через 109 лет после той трагедии, невинность всех обвиняемых была подтверждена официально.

По материалам сайта weekly-news.info